

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Копыловой Татьяны Рудольфовны на тему: «Молчание как лингвокогнитивная категория», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Диссертационное исследование Татьяны Рудольфовны Копыловой посвящено изучению молчания как лингвокогнитивной категории. **Актуальность** данной работы мы видим в расширении контактов, в том числе и межкультурных, что требует осмысления роли различных средств взаимодействия, а также в отсутствии комплексных исследований в этой области. Выделение феномена молчания очень показательно: современный человек, пресыщенный коммуникацией в разных видах, уставший от воздействия и визуального шума рекламы, ищет различные способы взаимодействия (например, лайки, смайлики и под.), в том числе и молчание как один из вариантов.

Научная новизна определяется тем, что:

- впервые проведено комплексное полипарадигмальное исследование феномена *молчание*, определены его функции и статус в коммуникации;
- впервые предложен метаязык для описания категории молчания, с использованием которого зафиксированы полученные в результате исследования результаты;
- предложены классификации молчания по разным основаниям.

Теоретическая значимость диссертации определяется следующим:

- выделение и обоснование категории молчания как лингвокогнитивной категории внесло значительный вклад в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, семиотики, терминоведения, социолингвистики и теории речевой коммуникации;
- дано полное описание категории молчания с использованием предложенного метаязыка, представлена дефиниция самого понятия;
- определены функции молчания в коммуникации, выделены его виды и приведены классификации по разным основаниям, установлена связь между коммуникантом и используемым типом молчания;

– предложен комплекс методов исследования, который может использоваться в исследованиях подобного типа.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что результаты исследования могут служить базой для дальнейшего анализа молчания в полипарадигмальном аспекте. Также полученные результаты могут быть использованы как в подготовке теоретических и практических курсов, так и при обучении профессиональному речевому поведению в коммуникативных профессиях. На наш взгляд, данный материал может широко использоваться в справочниках и пособиях по межкультурной коммуникации.

Основные достижения мы видим в следующем:

- показано, что категория молчание многозначна и полифункциональна, эти качества молчания раскрываются при противопоставлении речи;

- определены основные подходы к изучению категории молчания в рамках когнитивно-дискурсивного подхода;

- выявлены и описаны различные типы молчания (естественное и коммуникативное молчание, интенциональное и неинтенциональное молчание, эквивалентное и безэквивалентное молчание; аффектное, вынужденное, опустошенное, принудительное, регламентированное и прочее);

- доказано, что молчание как коммуникативный знак воспринимается и адекватно интерпретируется только в культурно обусловленном взаимодействии, а национально-культурная специфика молчания в наибольшей степени проявляется в бытовом общении;

- на основании результатов исследований (в том числе экспериментальных данных) выявлено, что молчание является специфичной лингвокогнитивной категорией, обладающее высокой степенью обобщения культурной информации, раскрывающейся в ходе коммуникативного взаимодействия и вне его;

- продемонстрировано, что молчание как сложное коммуникативно-культурное образование включает взаимообусловленные языковой, когнитивный, аксиологический и коммуникативный уровни.

Достоверность результатов исследования обусловлена *обширной теоретико-методологической базой*, которая включает труды по лингвокогнитологии, теории речевого поведения, бытовому общению, теории речевой деятельности, речи, говорению, фоносемантике, теории речевых актов, теории знака, теории восприятия и интерпретации, теории термина и терминологии; *объемом материала исследования* (674 единицы текстов русской художественной литературы XIX и XX веков, современной публицистики (репортажи, публичные выступления, интервью), 1398 фрагментов интернет-форумов; 480 устных бытовых диалогов; результаты социалингвистических и психалингвистических экспериментов; материалы информационно-справочных систем) и *использованием адекватных методов* (общенаучные методы: анализа, синтеза, типологизации, сопоставления; частнонаучные методы: лингвистического, контекстно-ситуативного анализа текста, дискурс-анализа, лингвокогнитивного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа, методы социалингвистического и психалингвистического экспериментов, количественные и качественные методы).

Личный вклад соискателя состоит в непосредственном участии на всех этапах процесса исследования, включающего отбор материала исследования, разработку и проведение экспериментов, самостоятельную обработку и интерпретацию данных, апробацию результатов исследования, подготовку основных публикаций по выполненной работе и участие в конференциях разного уровня.

Особенно хотелось бы отметить тщательно отобранный большой объем разнообразного материала, хороший стиль и логику изложения, а также интересный подход к выбранной теме исследования. Важно и то, что диссертант привлекает материал из разных языков и лингвокультур.

Для обсуждения предлагаем ряд замечаний вопросов:

1. Диссертант неоднократно говорит об интерпретируемости молчания (например, в положениях, выносимых на защиту: «Когнитивно-дискурсивная

парадигма в языкознании переносит акцент с нулевого текста на его создателя и интерпретатора, носителей определенного языкового сознания», «Молчанию как естественному состоянию человека противопоставлено коммуникативное молчание, способное либо функционировать в структуре речевой деятельности как текст (интенциональное молчание), либо передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками взаимодействия (неинтенциональное молчание)». Что влияет на интерпретацию? Как определить качество интерпретации? И нужно ли специально учить пониманию и интерпретации молчания?

2. При описании результатов лингвopsихологического эксперимента, в котором респонденты оценивали свое восприятие пауз, диссертант говорит о том, что «и позиция говорящего, и сама личность говорящего (Дмитрий Киселев) были оценены негативно» стр. 83. Из этого можно предположить, что на оценивание восприятия молчания респондентами могло повлиять отношение к личности говорящего, а также темы, выбранные для исследования (повышение пенсионного возраста, например). Как можно объективировать полученные результаты?

3. Можно ли выделить четкие признаки для разграничения паузы и молчания? («Как показатель относительный, краткость / длительность не может быть релевантным признаком при разграничении паузы и молчания, как и ненамеренность / преднамеренность паузы. Пауза прерывает звучащую речь. Если восстановить разрыв речевого потока, убрать паузу, с информационной точки зрения высказывание будет равно самому себе. Речевое высказывание с паузой и речевое высказывание без паузы по содержанию эквивалентны, они отличаются по времени звучания либо по времени звучания и силе воздействия на адресата. Пауза – безэквивалентна. Это разновидность безэквивалентного молчания, которая, в зависимости от типа, выполняет свои определенные функции (членения речи, выделения и др.). В силу этого длительная пауза не переходит в молчание как знак; она становится затянувшейся, тягостной, вызывающей коммуникативный дискомфорт. Коммуникативно значимое молчание – текст во взаимодействии, знак, а пауза – средство членения речи,

средство воздействия, элемент, значимый для успешной коммуникации» (стр. 90)). Можно ли выделить уникальные функции паузы?

4. Хотелось бы уточнить, что автор понимает под конструктивным речевым поведением? Его критерии? И как можно объяснить то, что «конструктивное речевое поведение занимает 37, 3 % от общего количества взаимодействий в бытовой сфере» (стр. 275).

5. Чем можно объяснить то, что «для русского языка ‘частичность / полнота’ утаиваемой информации более релевантна, чем для польского, что обуславливает фиксацию данного компонента значения самостоятельными единицами» (стр. 191)?

6. Обращался ли диссертант к анализу культурно значимых текстов, например, к пословицам? Как можно объяснить несовпадение народной мудрости, заключенной в пословице «Нет вестей – хорошие вести» и результатов эксперимента по выявлению национально-культурной специфики при функционировании глаголов молчания в речи носителей русской и испанской лингвокультур: «Интересно, что в ситуации «Ваш близкий человек прилетел на самолете и не позвонил, не сообщил о благополучном приземлении» российские респонденты выдвигают версии: «что-то случилось; прилетел ли; все ли там в порядке», а испанские респонденты отвечали: «значит, все хорошо, было бы плохо, уже сообщили бы» (стр. 198).

Высказанные замечания и поставленные вопросы не умаляют достоинств выполненного диссертационного исследования, не снижают его общей научной ценности и не влияют на главные теоретические и практические результаты.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию на международных научно-практических конференциях и семинарах, по материалам исследования опубликовано 40 работ, в том числе 2 монографии, 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 4 статьи в научных изданиях, входящих в международные базы данных и систем цитирования, и одно учебное пособие. Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту. Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация, представленная на соискание доктора филологических наук, «Молчание как лингвокогнитивная категория» соответствует паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, в полной мере отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства от 24 сентября 2013 года № 842 с последующими изменениями, предъявляемым к докторской диссертации, а ее автор – Копылова Татьяна Рудольфовна – заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

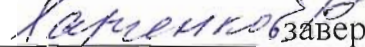
Против включения персональных данных, указанных в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент Харченко Елена Владимировна

доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – Теория языка), профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Почтовый адрес:
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
Тел./факс: +7 (351) 267-99-00
E-mail: info@susu.ru

19.05.2022

Собственноручную подпись заверяю:

ВЕРНО
Начальник службы
делопроизводства ЮФУ, У
Н.В. Цулыма

